

СВИДАНІЕ СЪ Л. Н. ТОЛСТЫМЪ ВЪ КОЧЕТАХЪ (у М. С. и Т. Л. Сухотиныхъ) ¹⁾.

Изъ дневника В. Г. Черткова.

8 мая 1910 г. Кочеты. Вчера около часа дня пріѣхалъ сюда. Вышли ко мнѣ въ переднюю Булгаковъ и Душанъ ²⁾. Я замѣшкался съ уплатою ямщику. Вышелъ въ переднюю Левъ Николаевичъ. Поцѣловались. Онъ сказалъ, что „такъ, такъ радъ“ моему пріѣзду и, прослезившись, отошелъ въ сторону къ окну; а потомъ, вернувшись ко мнѣ, сказалъ съ кроткимъ укоромъ: „Почему же вы не пришли ко мнѣ въ комнату, я васъ тамъ ждалъ?“ Я понялъ, что онъ не желалъ расчувствоваться при другихъ, но что потомъ, не вытерпѣвъ, вышелъ ко мнѣ навстрѣчу.

Сухотины встрѣтили меня очень радушно. Завтракали вдвоемъ съ Л. Н.—мъ... Л. Н. гулялъ въ паркѣ, спалъ передъ обѣдомъ и проспалъ обѣдъ. Послѣ обѣда онъ игралъ въ шахматы съ Михаиломъ Сергѣевичемъ ³⁾, а я—съ докторомъ ⁴⁾. Вечеромъ бесѣдовалъ со Л. Н.—чемъ. Онъ говорилъ, что ему здѣсь замѣчательно хорошо, наслаждается отдыхомъ и вообще отдыхаетъ отъ Ясной. Но все время оговаривался, что не жалуется на тяжелыя стороны яснополянской жизни, что онъ хороши для него.—Говорили объ Александрѣ Львовнѣ ⁵⁾. Ей лучше, но она чувствуетъ большую слабость... Помолчавъ, Л. Н. прибавилъ: „Какъ хорошо все въ мірѣ устроено. Удивительная эта вещь—привычка и отвычка. Чтобы отвык-

¹⁾ Во время моей административной высылки изъ Тульской губерніи, длившейся съ марта 1909 г. до іюня 1910 г., я видѣлся съ Львомъ Николаевичемъ четыре раза: въ іюнѣ 1909 г. я ѣздилъ для этой цѣли въ деревню Суворово, Орловской губ., близъ Кочетовъ, Тульской губ., гдѣ Л. Н. гостилъ у своей дочери Татьяны Львовны; въ сентябрѣ того же года онъ пріѣзжалъ на двѣ недѣли ко мнѣ въ Крекшино, Московской губ.; въ маѣ 1910 г. я пробылъ вмѣстѣ съ нимъ двѣ недѣли въ Кочетахъ; въ іюнѣ 1910 г. онъ прожилъ у меня въ Мещерскомъ около двухъ недѣль.

²⁾ В. О. Булгаковъ—секретарь Л. Н-ча, и Д. П. Маковицкій—домашній врачъ у Толстыхъ.

³⁾ М. С. Сухотинъ.

⁴⁾ П. Г. Дашкевичъ—домашній врачъ у Сухотиныхъ.

⁵⁾ А. Л. Толстая, находившаяся въ то время въ Крыму для поправленія здоровья.

шану, что это было не для осужденія Н, а потому, что ему, Л. Н—чу, это нужно было въ связи съ его работой) о томъ, что Н справедливо говорить, что единственное противодѣйствіе эпидеміи самоубійства это—религія. Но что въ чемъ религія и какая религія—этого Н самъ не знаетъ; а очень туманно говорить о томъ, что какая-то новая религія должна выработаться, быть можетъ, изъ христіанскихъ сектъ. „Если мнѣ нужно обѣдать“, сказалъ Л. Н., „то мнѣ сейчасъ-нужно ѣсть, а не ждать, пока обѣдъ мой „выработается“ когда-то послѣ моей смерти. То же и съ религіей“.

Послѣ обѣда Л. Н. по какому-то поводу еще разъ особенно убѣжденно повторилъ, что то только *настоящее* дѣло, когда знаешь, что не докончишь его, не увидишь его послѣдствій.

О Димочкѣ¹⁾ Л. Н. говорилъ мнѣ, какое хорошее впечатлѣніе онъ на него производитъ, и при этомъ вспомнилъ, какъ послѣ одной его, Л. Н—ча, бесѣды съ нашими друзьями въ Телятенкахъ, Димочка пришелъ къ нему въ Ясную и попросилъ провѣрить, вѣрно ли онъ записалъ слова Л. Н—ча. Разсказывая мнѣ это, Л. Н. не могъ удержать слезъ.

Когда я днемъ зашелъ къ нему, чтобы наполнить чернилами его резервуарныя перья, онъ сказалъ: „Мы теперь будемъ много видѣться, если будемъ живы. Вотъ, я вернусь въ Ясную, а потомъ приѣду къ вамъ“.—„Это будетъ очень хорошо“; замѣтилъ я, „для Гали²⁾ какъ это будетъ радостно“.—„Да, да“, подхватилъ онъ, „знаю, какъ трудно ея положеніе, и тяжело вамъ оставлять ее“.

Въ первый же день моего приѣзда Л. Н. предоставилъ мнѣ свой дневникъ для переписки. При этомъ онъ сказалъ, что, вспомнивъ, что я буду его читать, сначала почувствовалъ нѣкоторое стѣсненіе, записывая въ него; но потомъ рѣшилъ, что будетъ писать, какъ будто никто читать не будетъ. Я нашелъ вложеннымъ въ его дневникъ, куда онъ вкладываетъ изрѣдка наиболѣе тронувшія его письма, мое письмо къ нему отъ 20 апрѣля, въ которомъ уговаривалъ его возобновить верховую ѣзду³⁾. (Въ день моего приѣзда, когда я спрашивалъ у М. С—ча, есть ли у нихъ верховыя лошади, Л. Н. улыбаясь, сказалъ мнѣ, что поѣдетъ со мною верхомъ, чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе).

Каждый день вечеромъ, передъ сномъ, Л. Н. пишетъ нѣсколько словъ Александрѣ Львовнѣ и дѣлаетъ записи въ свой дневникъ, утромъ же вручаетъ мнѣ для переписки дневникъ, который остается у меня до вечера.

¹⁾ Сынъ мой—Владимиръ.

²⁾ Жена моя—Анна Константиновна.

³⁾ Л. Н. прекратилъ было свои ежедневныя поѣздки верхомъ подъ впечатлѣніемъ разговора съ однимъ посѣтителемъ офицеромъ, который обличалъ его за верховую ѣзду, совершенно упуская изъ виду, что, при исключительно тяжелыхъ условіяхъ домашней жизни Л. Н—ча, эти поѣздки доставляли ему то душевное отдохновеніе среди природы, безъ котораго силы его наврядъ-ли выдержали бы.

Вчера высылали на станцію за Софіей Андреевной и Андреемъ Львовичемъ, которые не пріѣхали. Должны пріѣхать сегодня къ обѣду...

• 12 мая 1910 г. Кочеты. Жизнь течетъ настолько однообразно, что нечего записывать хронологически: все одно и то же. Чай пью въ 9-мъ часу. Завтракаемъ въ 12. Л. Н. немного позже. До завтрака захожу на минутку провѣдать Л. Н-ча въ его комнатѣ... Л. Н. днемъ гуляетъ. Послѣдніе три дня онъ ѣздитъ верхомъ. Передъ обѣдомъ онъ спитъ. Обѣдаемъ въ 6. Послѣ обѣда онъ играетъ въ шахматы съ М. С-чемъ, я—съ П. Гр-чемъ. (Третьяго дня М. С-ча не было, и Л. Н. игралъ въ шахматы со мною и побилъ меня два раза). Вечеромъ общій чай. Около 11 спать...

Вчера Л. Н. давалъ мнѣ просмотрѣть его предисловіе къ книжечкамъ съ „мыслями“ и согласился со всѣми моими поправками. Онъ просилъ меня нѣсколько больше приспособить это предисловіе къ серіи книжечекъ и указать, какъ онъ образовался.—Хочу, кромѣ того, предложить ему нѣкоторое упрощеніе слога примѣнительно къ простымъ читателямъ.

Тихое, ровное настроеніе нашей здѣшней жизни было нарушено пріѣздомъ въ воскресенье С. А-ны съ А. Л-мъ. За обѣдомъ, вмѣсто прежней тишины и внимательности къ Л. Н-чу, — шумъ и перекрикиваніе другъ друга и, главное, самое пренебрежительное и неучтивое перебиваніе Л. Н-ча...

Говоря о Богѣ, Л. Н. замѣтилъ: „О Богѣ слѣдуетъ какъ можно меньше говорить. Это познается не разсужденіемъ, а какимъ-то другимъ путемъ“.

Давалъ Л. Н-чу читать рукопись NN о ея сынѣ, которая очень его заинтересовала, какъ проявленіе того, какъ ребенокъ можетъ встрѣчать смерть религіозно. „Но это олицетвореніе духовныхъ понятій: Христосъ - Спаситель и прочее мнѣ лично совсѣмъ чуждо“. Я спросилъ его, какъ онъ отвѣтилъ бы умирающему, который спрашивалъ бы о томъ, кончается ли все съ этой жизнью? Онъ сказалъ, что отвѣтилъ бы, что мы возвращаемся къ тому Началу, отъ котораго пришли, а такъ какъ Начало это есть любовь, то ничего, кромѣ хорошаго для насъ, не можетъ съ нами произойти послѣ смерти...

Говоря со Л. Н-чемъ о его предстоящемъ посѣщеніи насъ въ Мещерскомъ, я ему предложилъ отсюда прямо пріѣхать къ намъ, если ему не будетъ слишкомъ утомительно такъ долго быть въ отсутствіи изъ Ясной. На это онъ только улыбнулся, такой странной ему показалась мысль, что онъ можетъ скучать по Ясной.

Планъ мой ему сначала понравился. Но на слѣдующій день онъ мнѣ сказалъ, что раздумалъ: „Хорошенькаго понемножку. Вернусь лучше сначала въ Ясную, тамъ поживу немного. А потомъ пріѣду пожить у васъ“. Кстати и А. Л.—ну

ожидаютъ обратно вскорѣ послѣ 20-го, да и поѣзда неудобны изъ Мценска въ Столбовую.

Читали мы третьяго дня въ газетѣ попытку Г. Градовскаго оправдать себя въ отвѣтъ на мое разоблаченіе о томъ, какъ онъ извратилъ письмо Л. Н-ча къ нему по поводу писательскаго съѣзда ¹⁾. Читая письмо Г. Градовскаго, Л. Н. все время восклицалъ: „Ахъ, какая ложь!“ „Ахъ, какъ гадко!“ „Ай, ай!“ Онъ попросилъ меня найти ему мое письмо въ редакцію, съ разоблаченіемъ поступка Г. Градовскаго, перечелъ его еще разъ и безусловно одобрилъ. Про свое письмо къ Г. Градовскому, вызвавшее эту полемику, онъ замѣтилъ: „Мое чувство про этотъ съѣздъ было, что хотѣлось сказать, что это глупо. А чтобы имѣть возможность это сказать, мнѣ нужно было учтливое вступленіе. Такъ что—какъ разъ наоборотъ тому, что утверждаетъ Г. Градовскій“.

Л. Н. мнѣ сказалъ по этому поводу: „Какъ много должно быть вамъ непріятностей изъ-за меня. Они рады случаю обрушиться на васъ, какъ на моего „послѣдователя“, не признавая васъ, какъ самостоятельную личность, а смотря на васъ, какъ на какой-то нежелательный придатокъ при мнѣ“. „Да, отвѣтилъ я, положеніе наше, вашихъ друзей, со стороны тщеславія или самолюбія очень невыгодное. Не будь васъ, мы хоть что-нибудь самобытное представляли бы изъ себя; но при васъ мы, въ глазахъ публики, ничто сами по себѣ, а только вашъ отголосокъ, и притомъ глупый, не понимающій васъ, отражающій въ преувеличенномъ видѣ ваши слабыя стороны“.

Л. Н. „По поводу письма Саши ²⁾, въ которомъ она говоритъ о томъ, что начинаетъ понимать, что нѣтъ для нея зла внѣ ея самой, я думалъ о томъ, какое это суевѣріе—ходячее представленіе о внѣшнемъ злѣ, все равно, какъ и о личномъ Богѣ“. Я: „На это, конечно, отвѣтятъ, что хорошо не признавать зла, вамъ, при вашемъ духовномъ развитіи. Но если при васъ обижаютъ ребенка, истязуютъ беззащитную женщину, то какъ же это не зло?“ Л. Н.: „Зломъ тогда будетъ мое равнодушіе“.

Н рассказывалъ Л. Н—чу о своемъ пріятелѣ NN, служащемъ при Столыпинѣ, о томъ, какъ Столыпинъ поглощенъ работой о земельномъ вопросѣ и не позволяетъ себя беспокоить другими вещами; а NN получилъ для Столыпина запросъ изъ Сибири о томъ, нельзя ли замѣнить смертную казнь каторгой и рѣшилъ войти къ Столыпину, чтобы доложить объ этомъ. Столыпинъ былъ недоволенъ, что его прервали, но между прочимъ согласился на замѣну. Л. Н.

¹⁾ Г. Градовскій, публикуя письмо къ нему Л. Н—ча о писательскомъ съѣздѣ, выпустилъ, вмѣстѣ съ нецензурными мѣстами, и все то, что Л. Н. высказалъ несочувственнаго къ этому съѣзду, придавъ такимъ образомъ отзыву Л. Н-ча совершенно превратное значеніе.

²⁾ Александра Львовна Толстая.

съ возмущеніемъ сказалъ: „Не понимаю, какъ онъ можетъ самъ служить“...

На дняхъ утормъ Л. Н., чувствуя себя очень слабымъ, сказалъ мнѣ, когда я вошелъ поздороваться съ нимъ: „А я радъ, что вы прїѣхали. Чувствую, что приближается. Такая слабость, что трудно встать, чтобы достать карандашъ“. Я ему сказалъ, что его чувство приближенія смерти происходитъ отъ того, что онъ всю жизнь привыкъ сознать себя здоровымъ и сильнымъ и никакъ еще не можетъ примѣниться къ неизбѣжной старческой слабости; что смерть, разумѣется, приближается для каждаго изъ насъ, а въ его возрастѣ особенно близка; но что это физическое ослабленіе можетъ у него еще много лѣтъ продолжаться. Онъ не противорѣчилъ.

Говорили о комъ-то, кто предается до крайности внѣшнему послушанію. Л. Н. замѣтилъ: „Послушаніе это прекрасная черта. Только — послушаніе Богу, своей совѣсти, а никакъ не Ивану Ивановичу“.

Въ брошюрѣ о Бабистахъ Л. Н.—чу особенно понравилось, какъ тамъ говорится о томъ, что какъ ребенокъ въ утробѣ матери не имѣетъ понятія о нашей человѣческой жизни, такъ и мы въ этой жизни не можемъ имѣть понятія о томъ, что будетъ послѣ смерти.

Книга нѣмецкаго ученаго о религіяхъ, которую я досталъ для Л. Н.—ча, сначала очень ему не понравилась своимъ научнымъ легкомысленнымъ тономъ. Но, какъ я и думалъ, когда Л. Н. дошелъ до изложенія основныхъ религій чело-вѣчества, то сталъ находить тамъ много для себя интереснаго и поучительнаго и отмѣтилъ нѣкоторыя мѣста, которыя попросилъ Булгакова выписать для сборника: „На каждый день“.

Л. Н.—чу очень жалко, что „Новая Русь“ прекратила свое существованіе. Ему тамъ очень нравились три отдѣла: религіозный, о коопераціяхъ и магометанскій...

Третьяго дня Л. Н. ѣздилъ на довольно горячей лошади. По этому поводу онъ замѣтилъ М. С.—чу: „Породистая горячность у лошади очень пріятна. Она даетъ тебѣ иллюзію, что это ты самъ такой молодецъ“.

Пришедши къ обѣду въ слабомъ состояніи, Л. Н. вечеромъ, бодро вставши съ кресла, замѣтилъ весело: „А я теперь чувствую точно мнѣ 70 лѣтъ“.

Л. Н.—ча очень разсмѣшилъ рассказъ М. С.—ча про елецкаго купца, который до сихъ поръ ѣздитъ въ Москву не иначе, какъ на лошадяхъ, объясняя это тѣмъ, что онъ „не кобель, чтобъ по свистку ѣздить“.

Уходя спать третьяго дня, Л. Н. упомянулъ о больномъ пѣтухѣ здѣшнемъ: „Это мой врагъ. Онъ постоянно закричитъ, когда я засыпаю. И не сразу прокричитъ, а съ долгими промежутками, каналья“. Вскорѣ Л. Н. вернулся въ столовую попросить, чтобы изъ-за этого не причиняли пѣтуху никакихъ непріятностей, „а то я самъ закричу пѣтухомъ“.

Л. Н. вспоминалъ, что отца М. С-ча и трех братьевъ отца какой-то профессоръ очень мѣтко и вѣрно охарактеризовалъ такъ: „Одинъ недоволенъ и собой и другими; другой доволенъ собой, а другими недоволенъ; третій доволенъ и собой и другими; а четвертый недоволенъ собой, а другими доволенъ“.

16 мая 1910 г. Кочеты. Третьяго дня послѣ завтрака Л. Н. рѣшилъ пойти пѣшкомъ въ Желябово—село верстахъ въ пяти отсюда — и сговорился съ Татьяной Львовной, что она приѣдетъ за нимъ туда часамъ къ четыремъ. Такъ какъ я всегда боюсь, когда Л. Н. совершаетъ далекія прогулки совершенно одинъ, то пошелъ за нимъ, захвативъ съ собою фотографическій аппаратъ (день былъ солнечный). Я выбрался черезъ рощу на дорогу раньше его, а потому отошелъ въ сторону въ поле шаговъ на 50 и присѣлъ около кучи навозу, чтобы его пропустить впередъ. Затѣмъ послѣдовалъ за нимъ, по своему обыкновению, на такомъ разстояніи, чтобы онъ меня не слышалъ и не видѣлъ своими близорукими глазами. Но сопровождавшая его здѣшняя большая дворовая собака сначала все на меня оглядывалась и, какъ оказалось, обратила его вниманіе на меня. Онъ прошелъ всѣ пять верстъ, за исключеніемъ послѣдней немного въ гору, очень бодро и довольно быстро и дошелъ до деревни совсѣмъ не уставшій, несмотря на жару. Я потомъ ему сказалъ, что едва поспѣвалъ за нимъ. Онъ, улыбаясь, отвѣтилъ, что, благодаря собакѣ, замѣтилъ меня съ самаго начала и сказалъ себѣ: „Если уже снѣ за мной пошелъ, то я ему задамъ ходить“.

Вошедши въ село, Л. Н. подошелъ къ строившимъ избу крестьянамъ и, сѣвъ на бревно, разговорился къ нимъ. Чтобы не мѣшать ему, я не подходилъ къ нимъ, а отошелъ внизъ къ ручейку и снялъ бабъ, полоскавшихъ бѣлье. Потомъ подѣхала Татьяна Львовна, и мы всѣ трое съ сопровождавшимъ ее мальчикомъ вернулись домой въ ея экипажѣ.

Вечеромъ Л. Н. нѣсколько разъ вспоминалъ съ большимъ удовольствіемъ свой разговоръ съ желябовскими крестьянами. Бесѣды съ крестьянами, мало его знающими и обращающимися съ нимъ, какъ съ обыкновеннымъ старикомъ, ему всегда особенно радостны и дѣйствуютъ освѣжающе на его душу. Передъ тѣмъ онъ здѣсь не разъ говорилъ, что, собираясь сюда, предвкушалъ общеніе и бесѣды съ здѣшними крестьянами, не знающими кто онъ, но что какъ-то до сихъ поръ ему не пришлось съ ними разговаривать. Какъ это ни странно, но одна изъ причинъ этого была его робость. Онъ самъ сознается въ этой робости, которую всегда сначала испытываетъ, вступая въ бесѣду съ незнакомыми крестьянами, и которая очень скоро затѣмъ замѣняется чувствомъ радости. Происходитъ эта робость, какъ мнѣ кажется, отчасти отъ непокидающаго его сознанія своей

вины, своего фальшиваго положенія, какъ „барина“, передъ крестьянами; отчасти отъ непривычки вступать въ общеніе съ людьми по своей собственной инициативѣ: люди подходятъ къ нему, большей частью, въ качествѣ посѣтителей или просителей; а также—и отъ нѣкоторой искусственности, неизбежной при всякомъ вступленіи въ разговоръ съ незнакомымъ, а Л. Н-чу по его необычайной чуткости и искренности особенно претитъ все, носящее малѣйшій оттѣнокъ ненатуральности.

Когда вечеромъ я его спрашивалъ, замѣтилъ ли онъ, что я отошелъ, чтобы не мѣшать его бесѣдѣ съ крестьянами, онъ мнѣ сказалъ: „Да, да. какъ же. Не знаю, какъ вы, но, при всемъ желаніи жить передъ однимъ только Богомъ, я не могу освободиться отъ мысли о томъ, какое впечатлѣніе производятъ мои слова на присутствующихъ. Я чувствую присутствіе челоуѣка почти физически. И если бы вы сидѣли съ нами, то я никакъ не могъ бы говорить съ крестьянами такъ же непринужденно, какъ безъ васъ, ибо невольно, инстинктивно примѣнялся бы и къ вамъ...“

Вчера на утренней прогулкѣ Л. Н. опять побесѣдовалъ съ мѣстными крестьянами и также вынесъ самое радостное впечатлѣніе. Началось съ того, что незнакомая баба предложила „подвезти“ его, отнесшись къ нему, какъ къ обыкновенному встрѣчному „дѣдушкѣ“.

Вчера утромъ, по его порученію, я отвѣтилъ за него на два письма: одно отъ Н съ вопросомъ о томъ, говорить ли правду сектантамъ объ ихъ суевѣріяхъ; другое отъ незнакомаго юноши, спрашивающаго о Ницше...

Возвращаясь вчера съ своей утренней прогулки мимо моего окна, онъ меня окликнулъ и сказалъ: „Сейчасъ ходилъ и думалъ о васъ. Хочется кончить эту пьесу“¹⁾. Я: „Ахъ, какъ Димочка будетъ радъ“. Онъ: „Нѣтъ, хочется для васъ, сдѣлать вамъ удовольствіе“. Рѣчь шла о двухъ-актной пьесѣ, о прохожемъ въ деревнѣ, которую Л. Н. набросалъ начерно для телятенскаго любительскаго театра и которую онъ на этихъ дняхъ предоставилъ мнѣ переписать...

Сегодня Л. Н. спалъ очень долго. Въ 10 ч. онъ еще не вставалъ. Татьяна Львовна, Душанъ и я совѣтовались о томъ, будить или не будить. Въ началѣ 11-го часа рѣшились разбудить. Онъ хотѣлъ было еще поспать, но вскорѣ всталъ и, жалуясь на головную боль, пошелъ на обычную прогулку въ паркъ. Но вскорѣ вернулся и сѣлъ на скамейкѣ на дворѣ, опершись руками на столъ. Подсѣвши къ нему, я спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ.—„Очень, очень слабымъ. Я не могъ ходить и долженъ былъ вернуться. Такой слабости со мной еще никогда не было“. Я: „Вамъ теперь въ вашемъ возрастѣ, вѣроятно, придется часто испытывать такую слабость“. Онъ, продолжая свои собственныя

¹⁾ „Отъ ней всѣ качества“.

мысли, съ добрымъ, замѣчательно свѣтлымъ, глубоко задумчивымъ взглядомъ, проникавшимъ мнѣ прямо въ душу: „Пора. И очень хорошо“. Помолчавъ: „Такъ — все разрѣшается, упрощается“. Онъ очевидно думалъ о приближеніи смерти. При всей его слабости, голова его была совершенно ясная.

Онъ спросилъ меня, чѣмъ я занимался. Узнавъ, что я упростилъ изложеніе недавно имъ оконченнаго предисловія къ „Книжечкамъ съ мыслями“, онъ повелъ меня сначала въ свою комнату, но, увидавъ, что ее убираютъ, пришелъ въ мою и попросилъ меня прочесть все предисловіе въ моей исправленной версіи. Нѣкоторыя мѣста онъ просилъ перечесть, внимательно вслушиваясь въ нихъ. Одобрилъ всѣ поправки. Сдѣлалъ кое-какія новыя свои поправки и остался очень доволенъ, какъ самимъ предисловіемъ, такъ и тѣмъ, что окончилъ эту работу. Потомъ онъ пошелъ къ себѣ. Почиталъ свою почту и опять залегъ спать. Цѣлый день онъ не выходилъ изъ своей комнаты: лежалъ на кушеткѣ, много читалъ.

Сейчасъ 9 съ половиной вечера. Былъ у него. Бесѣдовали. Онъ больше слушалъ меня, чѣмъ самъ говорилъ. Хочетъ прійти съ нами чай пить.

19 мая 1910 г. Кочеты. Третьяго дня Л. Н. былъ еще очень слабъ, хотя утромъ и былъ въ состояніи походить немного въ паркѣ, гдѣ я слѣдовалъ за нимъ и сдѣлалъ съ него нѣсколько моментальныхъ фотографическихъ снимковъ. Сидя на своемъ складномъ стулѣ (палка съ сидѣньемъ), онъ сказалъ мнѣ: „Очень слабъ. Какъ странно бывало смотрѣть на старика дряхлаго, не вѣрилось возможности такой слабости, когда самъ былъ полонъ энергіи и силъ. А теперь я самъ это испытываю“.

Третьяго дня вечеромъ я довольно долго сидѣлъ у Л. Н. — ча въ его комнатѣ и много бесѣдовалъ съ нимъ, сначала больше слушая его, а потомъ наоборотъ, занимая его своими разсказами, чтобы онъ не утомлялся.

По поводу книги Reville'a о религіи дикихъ народовъ, Л. Н. говорилъ мнѣ: „Очень любопытно, что у такъ называемыхъ дикихъ народовъ совершенно тѣ же суевѣрія, какъ у нашихъ „цивилизованныхъ“ людей: тотъ же и „анемизмъ“ и „фетишизмъ“. — А также, замѣтилъ я, и то же понятіе о нравственности. Въ этомъ отношеніи собственно „цивилизация“ ничего не сдѣлала. — И я напомнилъ ему, какъ воинственныя дикія племена Азіи не трогали безоружнаго Миклуху-Маклая, а дружили съ нимъ. Л. Н.: „Да, у дикихъ одинъ и тотъ же человѣкъ бываетъ и добръ и жестокъ. А у цивилизованныхъ народовъ жестокость распределяется по учрежденіямъ: войско, полиція, суды, тюрьма“...

Я много разсказывалъ Л. Н. — чу про себя и мои дѣла... Л. Н. слушалъ съ большимъ интересомъ. Когда послѣ того

онъ записалъ нѣсколько словъ въ свой дневникъ, то, откладывая его на столъ, онъ съ улыбкой замѣтилъ: „Вотъ, если бы васъ не было сейчасъ здѣсь, то записалъ бы, что съ Чертковымъ былъ пріятный разговоръ“.

Третьяго дня днемъ Л. Н.—ча посѣтилъ сосѣдъ скопецъ Н, бывший болѣе 30 лѣтъ въ ссылкѣ въ Сибири. Его Л. Н. здѣсь уже искалъ и хотѣлъ самъ навѣстить. Я присутствовалъ только при части ихъ бесѣды. Засталъ я ихъ въ комнатѣ Л. Н.—ча за очень серьезнымъ разговоромъ. Л. Н. видимо относился съ большимъ уваженіемъ и любовью къ своему гостю, разспрашивая его о многомъ и подчеркивая съ особенной радостью все то, съ чѣмъ онъ могъ согласиться. Скопецъ Н также былъ очень радъ этому, какъ онъ говорилъ, давно желанному имъ, еще въ Сибири, свиданію съ Л. Н.—чемъ, къ которому онъ съ своей стороны, также обращался съ большимъ почтеніемъ, называя его странно звучащими по отношенію к Л. Н.—чу словами „ваше сіятельство“. У Н. типически скопческій видъ, подобный бывшимъ скопцамъ-мѣняламъ въ Петербургѣ: безволосое земляного цвѣта лицо, все въ мелкихъ морщинкахъ, какъ у старухи, нѣсколько наклоненныя впередъ плечи. Только голосъ не скопческій, а обыкновенный вѣроятно потому, что оскотился онъ не юношей, а уже бу дучи женатымъ.

Говорили они о разномъ и естественно вернулись опять къ вопросу о скопчествѣ, о которомъ уже говорили до моего прихода.

Л. Н. Нужно прилагать усиліе, чтобы воздерживаться отъ полового общенія, въ этой борьбѣ съ соблазнами задача жизни.

Н. Для простого человѣка, ваше сіятельство, ежели онъ здоровый, это невозможно. Вотъ духоборы, съ которыми мы много видѣлись въ Сибири, говорили, что рѣшили воздерживаться, жить цѣломудренно. Мы имъ говорили — вы это говорите теперь, а посмотримъ, что будетъ, когда вы дойдете до Якутска. И что же, черезъ годъ мы ихъ опять видѣли, и много у нихъ люлекъ и младенцевъ!

Л. Н. Нужно стремиться. Совершеннымъ быть нельзя, но стремиться можно.

Н. Ваше сіятельство, позвольте вамъ сказать?

Л. Н. Пожалуйста, пожалуйста, говорите.

Н. Ваше сіятельство, вѣдь нужно соблюдать цѣломудріе, не такъ ли?

Л. Н. Разумѣется, нужно, разумѣется.

Н. (спокойно, убѣжденно и безапелляціонно, какъ нѣчто совершенно очевидное). Въ такомъ случаѣ скажите, ваше сіятельство, на что „онъ“ намъ нуженъ? Для чего его носить? Не лучше ли освободиться отъ него?

Л. Н. (улыбнувшись): Да, на это трудно отвѣтить вамъ. (Послѣ того Л. Н. нѣсколько разъ вспоминалъ этотъ аргументъ скопца и сознавался, что былъ имъ озадаченъ). Но

въ такомъ случаѣ можно сказать: на что жизнь? Не лучше ли самоубійство? Вѣдь если бы всѣ люди послѣдовали вашему примѣру, то родъ человѣческій самъ себя уничтожилъ бы.

Н. Нѣтъ, самоубійство—этого намъ Христосъ не велѣлъ. Нужно страдать.

Л. Н. И тутъ воздерживайся и страдай. Вѣдь если пьяница не напивается потому, что у него денегъ нѣтъ или нѣтъ по близости кабака, то заслуга не велика. Нѣтъ, ты воздерживайся, когда есть возможность согрѣшить. (Но замѣтивъ, должно быть, безнадежное упорство своего собесѣдника, Л. Н. поспѣшилъ ласковымъ тономъ прибавить). Впрочемъ въ этой области мы съ вами не сойдемся. За то во всемъ другомъ—да. А въ этой ни я васъ, ни вы меня не можемъ убѣдить. Ну и пусть такъ. Вамъ Богъ покажетъ, гдѣ правда...

(Н. медленно встаетъ, благоговѣнно кланяется въ поясъ Л. Н.-чу и благодаритъ, послѣ чего опять садится).

Л. Н. (видимо тронутый духовной серьезностью своего гостя). И мнѣ Богъ покажетъ... Гдѣ тамъ — мнѣ учить другихъ!

Потомъ Н. сослался на извѣстный стихъ изъ Матѳея о добровольно и недобровольно оскотившихся, который онъ понимаетъ буквально, между тѣмъ, какъ Л. Н. подъ „сдѣлавшими себя скопцами“ понимаетъ придерживающихся цѣломудрія. Любопытно, что мѣсто нѣсколько раньше о томъ, что мужъ и жена одна плоть, Н, какъ оказалось, понимаетъ иносказательно, разумѣя подъ „мужемъ“ и „женою“ духъ и плоть человѣка, а Л. Н., разумѣется, понимаетъ въ прямомъ смыслѣ. По этому поводу Л. Н. спрашивалъ Н. считаетъ ли онъ необходимымъ вѣрить каждому слову Евангелія? И оба они были согласны въ томъ, что принимать изъ Евангелія слѣдуетъ только то, что подтверждается голосомъ Божиимъ въ насъ самихъ.

Разстались они очень довольные другъ другомъ и съ взаимнымъ желаніемъ опять повидаться, обѣщая навѣщать другъ друга ¹⁾).

Вчера Л. Н.—чу было опять гораздо лучше. Когда я зашелъ къ нему поздороваться, онъ мнѣ сказалъ: „Мнѣ сегодня гораздо лучше. Хочу наверстать пропущенное время“, и, сѣвъ за письменный столъ, не дожидаясь завтрака, раскрылъ обложку съ пьесой и, прочитавъ первыя слова, тотчасъ же энергично протянулъ руку за перомъ. И дѣйствительно, онъ позже передалъ мнѣ рукопись, значительно исправленную, замѣтивъ, что хочетъ еще передѣлать конецъ. „Только“, прибавилъ онъ, „разумѣется я не считаю это (улыбаясь) „литературнымъ произведеніемъ“, а только для телятенской публики“.

¹⁾ Они свидѣлись еще разъ нѣсколько недѣль спустя въ Мещерскомъ, у насъ.

24 мая 1910 г. 20 мая мы выѣхали изъ Кочетовъ. Наканунѣ утромъ Л. Н. занимался и, между прочимъ, поправилъ пьесу. Послѣ завтрака мы съ Тапселемъ¹⁾ сняли съ него серію портретовъ. За день до того, 18-го, кинематографомъ сняли его прогулку съ семьей Сухотиныхъ по саду. А въ этотъ день, 19-го, сняли кинематографомъ выѣздъ на прогулку въ экипажахъ съ семьей Сухотиныхъ и гостями²⁾.

20 мая, передъ завтракомъ, Л. Н., укладывая свой дневникъ, показалъ мнѣ только-что имъ записанное и сказалъ, улыбаясь: „Вотъ, видите, сейчасъ записалъ было, что вчера снимали съ меня фотографіи и что это мнѣ было непріятно; а потомъ вычеркнулъ послѣднія слова, ради васъ“. Я: „Что же вамъ было непріятно?“ Л. Н.: „Мысль о распространности моихъ портретовъ“. Я: „А не то, что непріятно или надоѣло самое сниманіе?“ Л. Н.: „Нѣтъ, нисколько. А то несвойственное значеніе, которое придается моимъ портретамъ“. Я: „Это понятно съ *вашей* стороны. Но *мы* имѣемъ въ виду всѣхъ тѣхъ, кому, за невозможностью видѣть васъ самихъ, дорого видѣть хоть ваше изображеніе“. Л. Н.: „Это только вамъ кажется, что такіе есть. Мы съ вами никогда не согласимся въ этомъ—въ томъ неподобающемъ значеніи, которое вы приписываете моей личности“.

Вслѣдъ за тѣмъ, за завтракомъ, рассказывая о своемъ свиданіи на деревнѣ съ бабкой-знахаркой, къ которой со всѣхъ сторонъ пріѣзжаютъ лѣчиться, платя большія деньги, Л. Н. такъ о ней отозвался: „Это поразительно глупая и самоувѣренная, хорошо сохранившаяся, пожилая баба. Она совершенно по-дамски говоритъ—много, не задумываясь, все, что въ голову попало. Мнѣ было очень интересно видѣть подтвержденіе давно извѣстной азбучной истины о томъ, что глупость и нахальство имѣютъ самый большой успѣхъ“. Я его спросилъ: „А въ такомъ случаѣ, какъ вы объясняете *вашъ* успѣхъ?“ Среди всеобщаго смѣха онъ, добродушно улыбаясь, отвѣтилъ: „Его нѣтъ. Это ваше постоянное недоразумѣніе. Вотъ сегодня я получилъ письмо отъ одной жены дьякона. Она сначала думала про меня и то и другое, а потомъ стала думать и то и другое и осталась очень недовольна мною. Я раньше осудилъ присланные ею стихи“.

20 мая мы тронулись въ путь изъ Кочетовъ. Предстояло дѣлать верстъ 35 на лошадахъ. Л. Н. ѣхалъ впереди въ коляскѣ съ Татьяной Львовной, сзади я на наемной пролеткѣ, за мной Тапсель, за нимъ Душанъ съ Булгаковымъ. Л. Н., какъ мнѣ говорила Т. Л., былъ въ прекрасномъ и очень

¹⁾ Англичанинъ-фотографъ, жившій у меня для проявленія и печатанія моихъ портретовъ Л. Н.—ча.

²⁾ Кинематографическій аппаратъ, которымъ мы снимали эти фотографіи, былъ любезно предоставленъ мнѣ для этой цѣли фирмой Эдисона. Ленты были доставлены въ Америку для проявленія; но, по непонятнымъ для насъ причинамъ, оказались, какъ намъ сообщили, негодными.

бодромъ настроеніи. Онъ всѣмъ восхищался: и свѣтлымъ солнечнымъ днемъ, и мѣстностью, черезъ которую проѣзжали, и лошадьми, и покойной коляской. „Какая тутъ можетъ быть усталость“, говорилъ онъ, „одно наслажденіе“.

У Абрикосова мы побыли часа два. Л. Н. чуть-чуть заснулъ, потомъ чай пилъ съ нами. Тутъ Л. Н. распростился съ Т. Л.—ной, а съ нимъ поѣхалъ дальше Абрикосовъ. На Мценскомъ вокзалѣ Л. Н. закусилъ. Зала наполнилась очень скоро любопытными. Одинъ незнакомецъ подаль Л. Н.-чу имѣвшійся у него его портретъ, попросилъ его подписать свой автографъ и даже хотѣлъ, чтобы Л. Н. что-нибудь отъ себя приписалъ спеціально для него. Л. Н. подписалъ свое имя, но отъ приписки отказался, возражая мягкимъ протестующимъ голосомъ: „вѣдь я съ вами совсѣмъ незнакомъ“.

Л. Н. настоялъ на томъ, чтобы взяли ему билеты 3-го класса. Я же для себя и Тапселя взялъ билеты 2-го класса для того, чтобы заручиться отдѣленіемъ, гдѣ Л. Н. могъ бы отдохнуть, если устанетъ въ 3-мъ классѣ. Начальникъ станціи, котораго я попросилъ для этой цѣли обезпечить намъ отдѣленіе, охотно обѣщалъ сдѣлать это, замѣтивъ: „Кто же для Л. Н.—ча не сдѣлаетъ всего возможнаго“. Когда поѣздъ подъѣхалъ, то 3-й классъ оказался биткомъ набитымъ, и Л. Н.—ча уговорили сразу сѣсть въ наше особое отдѣленіе 2-го класса. Я былъ очень радъ за него, такъ какъ въ поѣздъ вошла цѣлая куча дамъ и кавалеровъ, толпившихся въ корридорѣ около дверей его отдѣленія, которые обступили бы его въ третьемъ классѣ и отравили бы ему поѣздку, какъ было, когда онъ ѣхалъ въ Кочеты. Тогда на станціяхъ входила въ поѣздъ процессія изъ начальника станціи, его помощниковъ, телеграфистовъ и другихъ служащихъ, ихъ женъ и дочерей, и всѣ они вереницей проходили по вагону, гдѣ сидѣлъ Л. Н., при чемъ кто могли, останавливались, заполняя весь вагонъ и разглядывая Л. Н. изъ всѣхъ угловъ и черезъ всѣ перегородки.

Въ отдѣленіи я остался одинъ со Л. Н.—чемъ; Душанъ и Булгаковъ усѣлись въ сосѣднемъ отдѣленіи. Я прилегъ отдохнуть, но мнѣ не спалось. Л. Н. полулежа на противоположномъ сидѣніи, сталъ читать книгу. Вставъ, чтобы откинуть упавшій на него шнуръ съ опущеннаго верхняго дивана, онъ заглядѣлся въ открытое окно на красный закатъ. Долго выдѣлялась на фонѣ окна его нѣсколько согнувшаяся впередъ, сутуловатая фигура. Онъ видимо любовался зрѣлищемъ. Немного погодя, онъ, не двигаясь съ мѣста, посмотрѣлъ на свои часы и затѣмъ сталъ поминутно ихъ вынимать. Очевидно, онъ хотѣлъ прослѣдить, сколько времени потребуется для того, чтобы дискъ солнца скрылся за горизонтомъ. Когда передъ окномъ поднимался густой лѣсъ или насыпь, онъ нетерпѣливо высовывалъ изъ окна голову, чтобы узнать, долго ли протянется это препятствіе, мѣшавшее его наблюденію.

Два лица, ѣхавшія въ поѣздѣ, просили личного съ нимъ свиданія по своимъ интимнымъ дѣламъ. Онъ охотно съ ними поговорилъ наединѣ. Какъ онъ потомъ мнѣ разсказалъ, одно изъ нихъ—дама, жившая со студентомъ и полюбившая другого, спрашивала у него, какъ быть? Другое—молодой полицейскій чинъ, хотѣлъ только поболтать съ нимъ и не имѣлъ никакихъ серьезныхъ душевныхъ запросовъ.

По поводу выраженной мной надежды, что Л. Н. возьмется теперь за художественныя работы, онъ сказалъ: „Я былъ бы очень радъ, если бы мнѣ удалось осуществить то, чего вы такъ отъ меня хотите, и написать художественное. У меня есть замыслы. Но нужна еще достаточная внутренняя потребность. Во всякомъ случаѣ, *ce n'est pas la bonne volonté qui manque*“.

По поводу написанной имъ маленькой пьесы для Телятенокъ, онъ замѣтилъ, что въ ней не нравится ему, что прохожій выставленъ немного въ комическомъ видѣ. „Я чувствую, что это такой жалкій типъ, что смѣяться надъ нимъ нельзя“. Онъ хочетъ это передѣлать¹⁾.

Незадолго до станціи Щекино, Л. Н. еще разъ повторилъ, что хочетъ возможно скоро пріѣхать къ намъ, въ Столбовую и что онъ будетъ очень радъ повидаться съ Галей.

Подъѣзжая къ станціи, мы сердечно распростились. Онъ вышелъ со своими спутниками, а я поѣхалъ дальше мимо запретныхъ для меня Телятенокъ и Ясной Поляны.

¹⁾ Но заняться этой передѣлкой ему уже не пришлось.